

Евгений Колобов не хочет быть заложником утопии

С главным дирижером и художественным руководителем московского муниципального театра "Новая опера" Евгением Колобовым мы встретились после его возвращения из Парижа, где он знакомил французам с новым русским искусством. Евгений Владимирович поделился своими соображениями, в частности, о судьбах русского оперного театра.

— Наш театр создан прежде всего для россиян. Говоря о значимых гастрольных сезонах, я выделил бы поездку в Мурманск с "Марией Стюарт". Народ буквально встал на людях. Такое для артистов очень важно!

Нашему театру всего пять лет. К этому возрасту ребенок только начинает связно говорить. Впрочем, некоторые тенденции уже наметились. Вынужденно мы стали оперным театром западного типа, ибо традиционный русский, созданный Станиславским, к сожалению, свое существование прекратил. Так же, как и тот, который был в СССР.

Отгорженные железным занавесом от остального человечества, наши артисты работали сутками, создавая достойные, интересные спектакли. Сейчас на подготовку оперы, как и на Западе, отводится от силы две недели. Шелки Мариинский театр порой ставит ее за три дня. Сделать что-либо иное, кроме костюмированного пения, за это время невозможно.

Опера держится на стабильных, постоянно работающих коллективах хора и оркестра. Соловистов крупнейшие театры мира приглашают по контракту петь в том или ином спектакле. Мы вынуждены идти по тому же пути, ибо работать в России постоянно большинство соловистов не хотят. Почувствовав, что голос у них красивый, получив в театре небольшие навыки, они собирают чемоданы и бегут на Запад.

Театр стал проходным двором. Большинство певцов считают, что осваивают соотечественников, если в промежутках между зарубежными гастрольными громко и красиво сплюют им не охваченные действием ноты. Получая консерваторский диплом, они часто становятся звукоинженерами, которые не слишком хорошо разбираются в нотах и сами, без концертмейстера, ничего не могут выучить. Они считают, что их основная задача — запомнить мотивы, не понимают, что профессионалы, кроме связей, нужны извилины, что музыка — это не только озвученные ноты, но еще и мысли, чувства, которые под ними скрыты.

Теперьшние солисты настолько избалованы, что часто позволяют себе фальшиво петь, пропускать или произвольно затягивать ноты. Музыка стала для них не храмом, а средоточием заработка. Гиперинфированное самозамещение не позволяет им понять, что певец в опере — такой же голос музыкальной драматургии, как кларнет или хор.

Почему мы называемся "Новая опера"? Я ретроград, для меня новое — это хорошо забытое старое. Сотни гениальных произведений, которые в силу несчастных обстоятельств исполнялись крайне редко, почти забыты. Из двадцати пяти опер Верди широко известны четыре. Музыка "Симона Боканегра" не хуже "Травиаты", ее никто не знает. У Доницетти 72 оперы, а мы знаем только три. А ведь среди неизвестных

68 есть оперы о Петре Первом и декабристах. Разве не интересно их услышать?

Наши представления о музыке и композиторах — это набор застарелых штампов. Еще со школы мы привыкли, что Клементи — автор скучных инструментальных этюдов. Между тем у него есть чудная симфоническая музыка, которую никто не знает.

Одна из важнейших задач любого театра — просветительство. Московским зрителям мы показали оперы Каталани "Валли", "Двое Фоскари" Верди, вновь открываем людям "Марию Стюарт" Доницетти и "Гамлета" Амбруаза Тома. Хотелось бы поставить оперы Шуберта, о существовании которых знают только специалисты. Строить репертуар на таких произведениях интереснее, чем работать над поводом известного. Но пока наши постановочные планы скваны отсутствием сцены. Когда строительство здания "Новой оперы" в саду "Эрмитаж" будет завершено, первым делом поставим "Бориса Годунова".

Хорошая музыка рассчитана на людей всех возрастов. Мы рады, когда к нам в театр приходят дети. Им, может быть, наши постановки даже нужнее, чем взрослым. Если бы в детстве каждый гражданин России познакомился с музыкой Моцарта, стихами Пушкина и картинами Репина, возможно, не было бы Чечни. Уверен, что большинство депутатов Думы этого были лишены.

Жестокость, развешая сегодняшнее общество, — продукт развитого социализма, с детства воспитывавшего людей на уродливом суррогате культуры и вырвавшегося из утробы. Нашу жизнь нужно лечить искусством. Если показывать зрителям такие спектакли, чтобы, выходя на улицу, они помнили, что они — Лю-

ди, а не потребители пищи, со временем удастся возродить сильную, независимую Россию. Если к власти вернутся коммунисты, они окончательно превратят нас в рабов. Не могу простить, что они украли у меня Библию, философскую и художественную литературу Бориса Зайцева, Набокова, Георгия Иванова, музыку Метнера. Если бы все эти книги я прочел раньше, тогда, может быть, жил бы по-другому. Можно смириться с ботинками "Скороход", которые искалечили ноги миллионам советских людей, но то, что нас уммышленно плохо учили иностранным языкам, обрекая на невозможность общения с прочим миром, простить нельзя.

Работать на коммунистов я больше не буду. Все равно не дадут. Слесари снова начнут учить Пастернака, как писать стихи, любой музик от сохи сможет тебя обмарать или возвысить. В 1979 году за "осквернение русской церкви" в Свердловске у меня сняли спектакль "Царская невеста". Сняли коммунисты, разрушившие в России две из каждых трех церквей, взорвавшие храм Христа Спасителя. Взамен этого за все время существования советской власти они построили только три оперных театра — в Харькове, Новосибирске и Красноярске, да Ельцин реконструировал Свердловский оперный театр. Каждый понедельник он приезжал на стройку, следили за ходом работ. Так же сейчас действует Лужков, помогая строить здание "Новой оперы" в саду Эрмитаж. При коммунистах это место в центре Москвы, где начинали Станиславский и Таиров, ставил свои спектакли Эйзенштейн и пел Шаляпин, превратилось в запущенную деревню.

В отличие от писателей и художников, которые решают творческие задачи сами, дирижер му-



зыкального театра вынужден пользоваться посредниками — артистами, хором и оркестром. Выразить с их помощью музыку именно так, как я ее слышу, не удастся. Преломляясь через их души, мастерство, желание и особенности, она становится другой. Мне надоело размахивать руками, мучаясь от того, что исполнители меня не понимают и в силу этого создавали синием не такой спектакль, как я задумал. Открывая партитуру, я слышу все, что в ней написано, так, как если бы сам исполнил все от начала до конца. Это гораздо интереснее. Я решил, что, когда наш театр достроят, дирижировать больше не буду. Оставшу художественным руководителем. Заложником великой красивой утопии — оперного искусства — я больше быть не хочу. Моей последней постановкой станет "Борис Годунов". А нового дирижера "Новой оперы" определит конкурс.

Записал
Андрей ОСЕТРОВ.

*Осипов
Театр "Новая опера"*